

16. Flores, H. R. *Auctions to Reinforce Understanding*, <https://americanenglish.state.gov/resources/english-teaching-forum-volume-56-number-2>.
17. Lems, K. *New Ideas for Teaching English Using Songs and Music*, <https://americanenglish.state.gov/resources/english-teaching-forum-volume-56-number-1>.
18. Kopytov, O. N. *Modus on Text Space: Monograph*. Litres, 2017, 314 p.
19. Schmidt, A. *Listening Journals for Extensive and Intensive Listening Practice*, <https://americanenglish.state.gov/resources/english-teaching-forum-volume-54-number-2#child-2106>.
20. Teo, A., Shaw, Y. F., Chen, J., Wang, D. *Using Concept Mapping to Teach Young EFL Learners Reading Skills*, <https://americanenglish.state.gov/resources/english-teaching-forum-volume-54-number-2#child-2106>.
21. Hanzen, B. *Specificity of Modal Auxiliary Words in Russian on a Pan-European Background*, <http://docplayer.ru/25969775-Bern-hanzen-regensburg-specifika-modalnyh-vspomogatelnyh-slov-v-russkom-yazyke-na-obshcheevropeyskom-fone.html>.
22. Efanova, V. *Formation of National Values in a Foreign Language Educational Process*, <http://iyazyki.prosv.ru/2016/03/national-values/#more-24220>.
23. Chaynikova, N. *Analysis of Pedagogical Discourse*, <http://iyazyki.prosv.ru/2018/01/analysis-of-pedagogical-discourse/#more-27606>.
24. Galaktionova, A. *Method of Case-Study in My Teaching Practice*, <http://iyazyki.prosv.ru/2016/07/metod-case-study/>.

УДК 811.161.1:811.163.2(045)

Стоянова Е. В.

*Шуменский университет им. епископа Константина Преславского,
Шумен, Болгария*

**МИФОЛОГЕМА КАК КУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье рассматривается метафора как когнитивная модель и инструмент сохранения духовной ценностной основы лингвокультуры. Целью данной статьи является установление связи *мифологема – метафора* и выделение мифологем как глубинных культурных основ концептуализации мира. Посредством метафоры осуществляется межпоколенная трансляция культурного базиса, лежащего в основе концептуализации мира. Метафора видится продолжением мифа в силу общности их функций и принципов действия, но отличается осознанностью реализации и языковой репрезентации ментального образа. Структурной единицей мифа выступает мифологема, которая в качестве структурированного метаобраза относится к глубинным культурным основам концептуализации мира. Понятийная область кулинарии и пищи представляется традиционным средством концептуализации окружающей действительности, имеющим глубокие мифологические корни. Формирование русских и болгарских архетипических представлений о пище происходит в недрах славянской мифологии на фоне эволюции общечеловеческого знания. В статье предпринимается попытка выделения ряда мифологем на материале русского концепта *пирог* и болгарского концепта *баница*. Мифологема используется в качестве приема интерпретации ценностного аспекта концептуализации миров современных лингвокультурах. В работе делается вывод о том, что концептуализация окружающей действительности регламентируется действием мифологем. Для русской и болгарской лингвокультур характерна общность структурированных первообразов, лежащих в основе концептуализации мира (*пирог / баница – макрокосм; пирог / баница – микрокосм; пирог / баница – эталон, мерило*). Наличие данных мифологем подтверждает функционирование в современных русском и болгарском языках метафоры по модели *пирог / баница – ресурс*, а также наличие устойчивой метафоры на материале фразеологического и паремиологического фонда. Реализация мифологемы *пирог / баница – микрокосм* фиксируется в образных

номинациях человека при гендерном различии в русском и болгарском языках. Лингвокультурная близость русского концепта *пирог* и болгарского концепта *баница* обуславливается наличием духовной ценностной основы формирования и универсальности моделей мировосприятия и нравственных ориентиров, характерных для славянских народов.

Ключевые слова: мифологема, метафора, метафорическая модель, русская и болгарская лингвокультура.

Сведения об авторе: **Стоянова Елена Викторовна**, профессор, доктор филол. наук, зав. кафедрой русского языка, Шуменский университет им. епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария); e-mail: elvikstoyanova@shu.bg.

Введение

В конце XX в. в науке наблюдается бум метафорических исследований, в которых метафора начинает восприниматься в качестве функциональной единицы «трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [Привалова, 2005: 46]. Исследователи ищут доказательства предположению, что метафора как тип познания способна оказать существенное влияние на миропонимание человека, так как метафора является особым типом знания, соизмеримым с личным и коллективным опытом, с интуицией человека и лингвокультурной средой, формирующей языковую личность. Метафора играет важную роль в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, осуществляя в головном мозге хранение, структурирование и обработку информации о мире. Иными словами, она выступает в качестве метафорической модели (М-модели), которая является языковой реализацией когнитивного механизма. Поиск когнитивных структур, между которыми устанавливается подобие (выбор М-моделей), определяется культурной традицией (или преданием, как называет культурное наследие нации Т. И. Чалыкова [Чалыкова, 2013]) и лингвокультурной ситуацией [Шаклеин, 1997, 2012; Стоянова, 2013], а регулируется лингвокультурной компетенцией (фоновыми знаниями) носителей лингвокультуры.

Всеобщей тенденцией развития лингвокультур выступает материальная и духовная глобализация современного мира. В. М. Шаклеин обращает внимание на тот факт, что «данная глобальность – не что иное, как развитие глубинных культурных основ, на которых собственно и держится вся история этноса» [Шаклеин, 2012: 175]. Преимущество развития культуры и осуществление коммуникативных отношений в обществе обуславливают сохранение языком определенных мифологических и архетипических образов, характерных для того или иного этноса представлений и стереотипов, транслируемых языком в виде устойчивых метафор. Метафора видится тем инструментом, с помощью которого в языковой форме транслируется культурный базис, лежащий в основе концептуализации мира.

Целью данной статьи является установление связи *мифологема – метафора* и выделение мифологем как глубинных культурных основ концептуализации мира. Мифологема используется в качестве приема интерпретации ценностного аспекта концептуализации. Исследование осуществляется на материале русского концепта *пирог* и болгарского концепта *баница*. В качестве языкового материала исследования служат метафоры (в том числе и устойчивые) как модели, соотносимые с более глубинным концептуальным стратом.

Изучение культурных и когнитивных механизмов приводит исследователей (Н. И. Коновалову, А. Н. Кругалевич, В. А. Маслову, Т. И. Чалыкову и др.) к необходимости рассмотрения мифологемы на материале различных дискурсов. В данной работе впервые предпринимается попытка выделения мифологем, лежащих в основе русского и болгарского концептов *пирог / баница*. Актуальность данного исследования обусловлена использованием лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к анализу метафоры. Исследование метафорических моделей как когнитивных структур и одновременно механизмов, осуществляющих преимущество лингвокультуры, позволяет проникнуть в сущность метафоры как феномена языка, культуры и речемыслительной деятельности. Культурная обусловленность метафоры делает ее орудием построения целостного образа мира, механизмом, отвечающим за создание, хранение и передачу культурного богатства.

1. Архетип, мифологема, метафора

Общность между метафорой и мифом фиксируется в единстве функций и принципов их действия, в познании действительности путем символического конструкта, требующего экспликации, а не понимания. Образ, предназначенный для описания фрагмента действительности, не отделяется носителем мифологического мышления от самой действительности. Возникновение метафоры разрушает целостность, органичность мифологического мировоззрения, нарушая мифическое единство вещи и ее смысла, знака и имени, субъекта и объекта, пространственно-временных отношений смежности и причинно-следственной связи, поскольку метафорическое мышление предполагает сознательную фиктивность, осознанное разделение смыслов на буквальные и гипотетические. Таким образом, метафора предстает осознанной формой реализации и языковой репрезентации ментального первообраза, обеспечивая межпоколенную трансляцию архетипических образов. Именно поэтому отголоски мифа имеют место в современном языковом сознании.

В качестве первичной схемы мифологических образов, древнейших общечеловеческих идей и символов воспринимаются архетипы, относящиеся к самым глубоким уровням человеческого сознания, так называемого «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга. Структурная единица мифа – мифологема, представляет собой структурированный архетип, метаобраз, некую «кросскультурную» идею, пронизывающую человеческое сознание. В качестве дискретного элемента мифологема служит концептуальным обоснованием состояния общества и моделью поведения в нем. В качестве когнитивной структуры мифологема сохраняются в сознании человека и чаще всего находят свое отражение в устойчивых метафорах. Именно они, как пишет В. Н. Телия, моделируя «результаты собственно человеческого самосознания – архетипического и прототипического», выступают источником культурно значимой интерпретации фразеологических единиц [Телия, 1996: 239]. В современных исследованиях термин *мифологема* употребляется в качестве обозначения конкретной интерпретации универсальной модели коллективного бессознательного [Круталевич, 2016: 10–21].

Мифология как мир первообразов есть «первоначальная история человечества» [Бердяев, 1969: 28]. Философ и публицист Н. А. Бердяев видит истоки культуры в сакральности, в культе, из которого культура черпает свой символизм [Бердяев, 1996: 195–198.]. Жизнь и деятельность человека предполагала непрерывный контакт с природой и была нацелена на установление определенного баланса во взаимоотношениях с ней. В этом смысле пища воспринималась в качестве ежедневного воссоединения человека с миром природы (Г. Гачев, К. Леви-Стросс) и выступала своего рода средством нейтрализации (по терминологии В. Н. Топорова, *медиатором* [Топоров 1980: 427]) в дихотомическом противоречии природа – культура. В коммуникативном аспекте *пища* как знак дара представлялась посредником в преодолении противоречия *свой – чужой*. Магической силой наделялись как жертвы (ритуал жертвоприношения), так и дары (ритуал угощения).

Таким образом, мифология еды реализуется, с одной стороны, в категории сакральной, культовой пищи, а с другой – в символизации в лингвокультуре определенных продуктов и блюд и формировании культурной коннотации номинаций продуктов питания / пищи. Из культовой символики рождается и культурный символизм в восприятии пищи. Постепенно на языковую семантику наименований пищи наслаивается культурная, которая закрепляется в языковых знаках и транслируется ими как основа мировидения.

Ритуальная и обрядовая культура соотносится с приготовлением так называемых культовых блюд. К таковым могут быть отнесены русск. *пирог* и болг. *баница* как празднично-ритуальные разновидности *хлеба*.

Название **pirogъ* является общим для восточных и западных славян, но в значении ‘выпеченное изделие с начинкой’ лексема употребляется только в русской лингвокультуре. Для южных славян, в том числе для болгарской лингвокультуры, характерны изделия из слоеного теста типа *баница*. Происхождение слова *баница* связано с изменением праславянской формы **gъbanica* ‘сгнато изделие (букв. сложенное, согнутое изделие)’

*гыбаница > *гъбаница > *гбаница > баница, срв. староболг. *гъбнѣти* ‘гъна (сгибать)’ [Български етимологичен ..., 2001]. Славянский корень имеют и другие названия *баницы*, которые встречаются в разных регионах Болгарии: *клин*, *млин* и др. В качестве празднично-обрядового яства *баница* распространяется в IX–X вв.

Возникновение слова *пирог*, по всей видимости, связано с древнеславянским словом *пирь* с суффиксом *-огъ* и имело первоначальное значение – ‘хлеб для праздничного застолья’. Есть предположение, что праславянское **ругогъ* связано с древнерусским *пыро* ‘полба’ (зерновой злак, разновидность пшеницы), откуда получено **ригогъ* в результате преобразования по народной этимологии от названия праздничных застолий – *пиров* [Фасмер, 1986].

2. Мифологема как основа концептуализации мира

Культурно-коннотативная составляющая концептов *пирог* – *баница* базируется, прежде всего, на метаобразах, транслирующих дуалистические представления древних славян о мироздании (космос и хаос; микрокосм и макрокосм, свой и чужой и др.).

Мифологема *баница* – *космос / макрокосм*

В болгарской лингвокультуре *баница* представляется структурным элементом мироустройства, обнаруживая принадлежность к болгарской народной космогонии. С этой точки зрения, большой интерес представляет апокрифическое произведение «Разумник», в котором сведения из области естествознания переплетаются с языческими представлениями и суевериями, всегда находившими в эту эпоху благоприятную почву в народных низах [Робинсон, 1984: 387]. Указанная богомильская книга относится к периоду XI в. В форме вопросов и ответов текст представляет сотворение мира, историю человеческого рода, неба, звезд, огня, ветров и т. д. По мнению автора, Небо представляло собой *врѣшник* – глиняную форму для выпечки хлеба, который покрывал землю со всех сторон. Первоначально Господь сделал землю ровной и гладкой, как лепешку или раскатанное тесто для *баницы*. Но когда он решил прикрыть ее Небом (*врѣшник*), оказалось, что Земля – больше, и не собирается под крышкой. Тогда Создатель придавил ее, и земля покрылась складками, как *баница*. Согласно представлениям средневековых болгар, таким образом появились горы и долины [Сидякина, 2013].

Следствием действия мифологема в современных лингвокультурах является формирование и распространение М-модели *пирог / баница* – *ресурс*, посредством которой происходит восприятие и представление мира национально-культурными общностями. На современном этапе данная модель отличается значительной активностью в обоих языках.

Мифологема *пирог / баница* – *микрокосм (человек)*

Мифологема *баница* – *космос / макрокосм* оказала влияние на формирование другого образа *баница* – *микрокосм (человек)*. В народных представлениях болгар замешивание, выпекание ритуального свадебного хлеба – *баницы* символизировало создание новой полноценной семьи, в которой непременно появятся дети (*баница* – *ребенок*), а также девственности невесты (*баница* – *невеста*).

Метаобраз *пирог / баница* – *человек* свидетельствует о возможностях квалификации человека посредством данного объекта. В болгарском языке лексемами *баница*, *баничка*, *мазна баница* называют (разг. жарг. диал.) ‘красивую женщину с пышными формами’. Указанная мифологема является характерной и для русского концепта *пирог*. Примерами проявления данной мифологема служат следующие паремии и фразеологизмы русского языка: *Ни с чем пирог* (обл.) ‘о никчемном человеке; о простоватом, несообразительном человеке’; *Как пирожок* ‘о полном человеке’. Причем в отношении *пирога* фиксируется эмотивность со знаком плюс: *Ты же не пирог и не сто долларов, чтобы всем понравиться* (Комсомольская правда 13.11.2013).

Мифологема *пирог / баница* – эталон, мерило

Следствием лингвокультурного развития концепта является формирование в лингвокультуре семантики эталонности, которая регулируется действием мифологемы: *пирог / баница – эталон, мерило*.

Культурологическая значимость концептов в русской и болгарской лингвокультурах делает их своеобразным ориентиром в восприятии мира. Лингвокультурная значимость понятий русск. *пирог* / болг. *баница* делает его образцом для сравнения; относительно данного ориентира определяется важность и сложность жизненных ситуаций, моральных и духовных ценностей. *Пирог* выступает эталоном (мерилом), связанным с аксиологической оценкой соотношения *предмет – норма*: *Не (блин) пирог испечь* ‘не легко; не так-то легко (скоро) сделать’; *Дочку замуж выдать – не пирог испечь*; *Доброе слово лучше мягкого пирога*; *Добрая слава лучше мягкого пирога*; *Тот не прав, кто пирогу не рад*; *Тот дурак, кто пирогу не рад*; *Дурака слушать – пирога не кушать*; *Без блина не маслена*; *без пирога не именинник*.

Болгарская *баница* выступает ориентиром в разграничении дуалистических понятий *хорошо – плохо*: *Не е луд който яде баницата, а този който му я дава* (букв. Не тот ненормальный, кто ест баницу, а тот, кто ему ее дает); *Ръто не ял баница, после се научил да яде и горници (дребници круши)* (букв. Рато не ел баницы, а потом пришлось есть мелкие груши). В русском языке существует выражение *Вот такие пироги* (шутл.) как ассоциация с катастрофической ситуацией ‘Вот так обстоят дела, вот что произошло (о создавшемся сложном, неприятном положении)’.

С понятием *пирог / баница* в русской и болгарской лингвокультурах связана концептуализация мира в координатах *свой – чужой*: русск. *Для друзей – пироги, для врагов – кулаки*; *Свой сухарь лучше чужих пирогов*; *Лучше свой кусок, чем чужой пирог* и болг. *Доде не яде българин мръсно, турчин не яде баница* (букв. Пока не едят болгары плохого, турки не едят баницы).

Заключение

Таким образом, метафора воспринимается продолжением действия мифа, а также средством сохранения и трансляции основкультуры. Понятийная область кулинарии и пищи представляется традиционным средством концептуализации окружающей действительности, имеющим глубокие мифологические корни. *Пирог / баница* относятся к ритуально-праздничным проявлениям пищи в русской и болгарской лингвокультурах. Формирование русских и болгарских архетипических представлений о пище происходит в недрах славянской мифологии на фоне эволюции общечеловеческого знания. Именно поэтому в русских и болгарских образах и символике так много общего. Концептуализация окружающей действительности в русской и болгарской лингвокультурах регламентируется действием одинаковых мифологем как структурированных первообразов (*пирог / баница – макрокосм*; *пирог / баница – микрокосм*; *пирог / баница – эталон, мерило*). Следствием действия мифологемы *пирог / баница – макрокосм* представляется функционирование современной русской и болгарской метафоры как модели (*пирог / баница – ресурс*). Отражение мифологемы *пирог / баница – микрокосм* фиксируется в образных номинациях человека при гендерном различии в русской и болгарской лингвокультурах (мужчина квалифицируется в русском языке, а женщина – в болгарском). Проявлением мифологемы *пирог / баница – эталон, мерило* является наличие русских и болгарских фразеологических единиц и паремий, в которых отражается аксиологическая оценка человека к окружающему его миру: *хорошо – плохо, свой – чужой*. В обоих лингвокультурах посредством концепта *пирог / баница* обозначается принадлежность к своему

Лингвокультурная близость русского концепта *пирог* и болгарского концепта *баница* обуславливается наличием духовной ценностной основы формирования и универсальности моделей мировосприятия и нравственных ориентиров, характерных для славянских народов.

Литература:

1. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 110–111.
2. *Български етимологичен речник*. София: Проф. Марин Дринов, 2007. Т. 1. 679 с.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923. 268 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24117-berdyayev-n-a-smysl-istorii-opyt-filosofii-chelovecheskoy-sudby-berlin-1923>.
4. Бердяев Н. А. О культуре // Антология культурологической мысли. М.: РОУ, 1996. С. 195–198.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. М.: Художественная литература, 2000. 616 с.
6. Ильинова Е. Ю. Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира // *Studia Linguistica*. Антропоцентрическая лингвистика: Проблемы и решения: сб. науч. трудов. СПб.: Политехника-сервис, 2012. Вып. XXI. С. 184–194.
7. Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // *Политическая лингвистика*. 2013. N 4. С. 209–215.
8. Круталевич А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // *Культура и цивилизация*. 2016. N 1. С. 10–21.
9. Робинсон А. Н. Болгарская литература [до начала XIV в.] // *История всемирной литературы*. 1984. Т. 2. С. 378–389. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v12/v12-3782.htm>.
10. Сидякина А. История болгарской баницы. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://come2bulgaria.com/2013/11/istoriya-bolgarskoy-banitsyi/>.
11. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Изд-во Шумен. ун-та им. епископа Константина Преславского, 2013. 276 с.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
13. Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 427–429.
14. Фасмер М. А. Этимологический словарь: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. 576 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fasmerbook.com/>.
15. Цонева Л. Българската политическа метафора. В. Търново: ИВИС, 2012. 258 с.
16. Чалыкова Т. И. Понимание: Звук, слово, текст (между Преданием и Языком): монография. Шумен: Изд-во Шумен. ун-та им. епископа Константина Преславского, 2013. 272 с.
17. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. 301 с.
18. Anderson, R. D. *Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and Transformation of Russian Politics*, <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.ht>.
19. Gibbs, R. “Metaphor and Culture.” *Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997, pp. 147–160.
20. Keller, R. *A Theory of Linguistic Sign*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
21. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 614 p.
22. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242 p.
23. Luria, A. R. “The Problem of the Cultural Development of the Child.” *Journal of Genetic Psychology*, no. 35, 1928, pp. 493–506.

Stoyanova E. V.

Konstantin Preslavsky University of Shumen, Shumen, Bulgaria

**MYTHOLOGEME AS A CULTURAL BASIS
FOR THE CONCEPTUALIZATION OF THE REALITY
(BASED ON RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)**

The paper is devoted to the metaphor as a cognitive model and a tool for preservation of spiritual value basis. The objective of the article is to establish a correlation *mythologeme – metaphor* and define mythologemes as the cultural basis for the world's conceptualization. Metaphors serve as a means for intergenerational transfer of the cultural basis underlying the world's conceptualization. The metaphor is viewed as a continuation of the myth because they have common functions and operating modalities although the metaphor has its own realization awareness and specific language representation of mental images. Mythologemes are perceived as structural archetypes of the myth, which in the form of structured meta-images, belong to the basis of the world's conceptualization. The conceptual domain of cooking and food is considered to be a traditional means for the world's conceptualization with very deep mythological roots. The formation of the Russian and Bulgarian archetypal vision of food took place in the depths of Slavic mythology against the background of the human knowledge evolution. In this paper, an attempt is made to highlight a number of mythologemes on the material of the Russian and Bulgarian concepts *pirog / banitsa*. The mythologeme is used as a method for interpreting the value aspect of the world conceptualization in contemporary linguocultures. The conclusion is made that the conceptualization of the world reality is regulated by the existing mythologemes. The Russian and Bulgarian linguocultures share the same structural prototypes underlying the world conceptualization (*pirog / banitsa – macrocosm; pirog / banitsa – microcosm; pirog / banitsa – standard, measure*). The existence of these mythologemes is confirmed by the functioning metaphors after the model *pirog / banitsa – a resource* in the modern Russian and Bulgarian languages as well as by the presence of a sustainable metaphor in the phraseological and paremiological funds. Implementation of the mythologeme *pirog / banitsa – microcosm* is reflected in figurative nominations with some gender differentiations in Russian and Bulgarian. Linguocultural proximity of the Russian concept *pirog* and Bulgarian concept *banitsa* stems from the presence of a spiritual value basis and universal models of worldview and moral guidelines typical of Slavic peoples.

Key words: mythologeme, metaphor, metaphorical model, Russian and Bulgarian linguoculture.

About the author: **Stoyanova Elena Viktorovna**, Full Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language, Konstantin Preslavsky University of Shumen (Shumen, Bulgaria); e-mail: elvikstoyanova@shu.bg.

References:

1. Averincev, S. S. "Archetypes." *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. Moscow, vol. 1, 1980, pp.110–111.
2. *Bulgarian Etymological Dictionary*. Sofia: Prof. M. Drinov, vol. 1, 2007, 679 p.
3. Berdyaev, N. A. *The Meaning of History: the Experience of the Philosophy of Human Destiny*. Berlin: Obelisk, 1923, 268 p., <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24117-berdyaev-n-a-smysl-istorii-opyt-filosofii-chelovecheskoy-sudby-berlin-1923>.
4. Berdyaev, N. A. "About Culture." *Anthology of Culturological Thought*. Moscow, 1996, pp.195–198.
5. Dal', V. I. *Sayings of the Russian People*: in 2 vol. Moscow, 2000, 616 p.
6. Il'ina, E. Yu. "Mythologem as a Heuristic Method of Interpreting Cognitive Picture of the World." *StudiaLinguistica. Anthropocentric Linguistics: Problems and Solutions: Sat. Scientific Papers*. Saint-Petersburg, vol. XXI, 2012, pp. 184–194.
7. Konovalova, N. I. "Mythologeme as a Collapsed Sacred Text." *Political Linguistics*, no. 4, 2013, pp. 209–215.

8. Kutalevich, A. N. "Mythologem" in the Conceptual Apparatus of Cultural Science." *Culture and Civilization*, no. 1, 2016, pp. 10–21.
9. Robinson, A. N. "Bulgarian Literature [Before the Beginning of the XIV Century]." *History of World Literature*, vol. 2, 1984, pp. 378–389, <http://feb-web.ru/feb/ivl/v12/v12-3782.htm>.
10. Sidykina, A. *History of Bulgarian Pie (Banitsa)*. 2013, <http://come2bulgaria.com/2013/11/istoriya-bolgarskoy-banitsyi/>.
11. Stoyanova, E. *Metaphor Through the Prism of the Linguocultural Situation*. Shumen, 2013, 276 p.
12. Teliya, V. N. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, Linguocultural Aspects*. Moscow, 1996, 288 p.
13. Toporov, V. N. "Food" *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. Moscow, vol. 1, 1980, pp. 427–429.
14. Fasmer, M. A. *Etymological Dictionary*: in 4 vol., Moscow, 1986, 576 p., <http://fasmerbook.com/>.
15. Chtoneva, L. *Bulgarian Political Metaphor*. V. Tarnovo: IBIS, 2012, 258 p.
16. Chalykova, T. I. *Understanding: Sound, Word, Text (Between Tradition and Language)*. Shumen, 2013, 272 p.
17. Shaklein, V. M. *Linguoculturology: Traditions and Innovations*. Moscow, 2012, 301 p.
18. Anderson, R. D. *Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and Transformation of Russian Politics*, <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.ht>.
19. Gibbs, R. "Metaphor and Culture." *Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997, pp. 147–160.
20. Keller, R. *A Theory of Linguistic Sign*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
21. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 614 p.
22. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242 p.
23. Luria, A. R. "The Problem of the Cultural Development of the Child." *Journal of Genetic Psychology*, no. 35, 1928, pp. 493–506.

УДК 811.111'34

Шамлиди Е. Ю.

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ БРИТАНСКИМ И АМЕРИКАНСКИМ ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена рассмотрению и анализу базовых фонетических различий между британским и американским вариантами английского языка. Исследование призвано помочь будущим и работающим переводчикам определиться с выбором британского или американского варианта английского языка с учетом большого спектра различий в произношении слов по трем параметрам: (1) различия в произнесении гласных и дифтонгов, (2) различия в произнесении согласных, (3) различия в слоговом ударении. Фрагментарно в статье освещены прочие различия, не поддающиеся жесткой классификации. Наряду с фонемными различиями приводится анализ некоторых слов по аллофоническим характеристикам.

Цель данной статьи – систематизировать различия между британским и американским вариантами английского языка на уровне слова по характеру произношения гласных и согласных звуков и особенностей ударения в сравниваемых словах.

Исходя из собственного опыта переводческой деятельности, автор статьи приводит примеры выраженных фонетических различий в сравниваемых словах, незнание которых может препятствовать их адекватному пониманию и, соответственно, переводу. Поэтому при возникновении сомнений в произнесении этих слов необходимо пользоваться не только переводными словарями, но и специальными фонетическими словарями, отображающими как